

МАРИНА СЕРОВА

**ДОРОЖЕ ДЕНЕГ,
сильнее любви**

Сернал

"Телохранитель Евгения Охотникова"

Марина Сергеевна Серова
Дороже денег, сильнее любви
Серия «Телохранитель
Евгения Охотникова»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177967
Дороже денег, сильнее любви: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-30908-5

Аннотация

Знаменитый телохранитель Евгения Охотникова тем и знаменита, что берется за самые опасные дела и ладит с любыми заказчиками. Ну что, скажите, можно ответить плачущей двенадцатилетней девчужке с косичками, которая готова отдать все свои сбережения, чтобы нанять Женю? Как оказалось, юная клиентка пришла просить защиты от... собственных родителей. Аню вырастила мачеха. Родной отец бросил их обеих и вернулся к первой жене. Девочка и мачеха все эти годы жили дружно и счастливо, будто родные люди. Как вдруг, ни с того ни с сего, объявились биологические отец и мать Анечки с требованием вернуть им дочь. Закон, разумеется, на их стороне. Охотникова, отбросив сомнения, соглашается поработать на Аню. И не зря. Дело принимает смертельно опасный поворот: биологические родители Анечки внезапно погибают...

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Марина Серова

Дороже денег, сильнее любви

Часть первая

Одна дочь на троих

На узкой девичьей ладошке, подрагивая, лежали несколько мелких купюр, прижатых сверху горсткой монет.

– Хватит? – спросила меня совсем юная, не старше тринадцати лет, девочка с двумя милыми тоненькими косичками, спускавшимися по ее плечам.

Серьезные, большие, сильно вздернутые к вискам серые глаза смотрели на меня с глубоко запрятанным в них тревожным ожиданием.

Я тихонько согнула ее пальцы, вынуждая спрятать деньги в кулаке. Спросила осторожно:

– Хватит – на что? На последний диск Димы Билана? Или на два похода в кафе-мороженое? Наверное, хватит.

В разговоре с детьми вообще и с подростками в особенности я порой принимаю какой-то преглупый тон.

Ну зачем я, скажите мне, упомянула кафе-мороженое?

Такие смешные девчонки с косичками, перехваченными у концов цветными шнурками, и в ярких майках с Микки-Маусом, едва доходящих им до живота, в кафе-мороженое не ходят. Они предпочитают тусоваться в каких-нибудь модных фан-клубах или на дискотеках, являясь домой сильно за полночь и вынуждая родителей галлонами закупать в аптеках валериановые капли.

Девочка посмотрела на меня, сердито сдвинув белесые, совсем детские бровки:

– При чем тут ваш Билан? Я его вообще терпеть не могу! И мороженое тут тоже ни при чем! Я пришла нанять вас. Мне сказали, что вы – телохранитель. Я... – и кулак разжался, снова являя миру скомканные бумажки, пересыпанные монетами, – я могу заплатить вам... вот столько, – голос ее дрогнул. – Этого мало, да? Но, честное слово, это все, что у меня есть... Я... я потом еще принесу. Я буду копить, я буду все откладывать, я...

Внезапно она разрыдалась, подняв к лицу стиснутые кулачки.

Деньги с шелестом и звоном посыпались на пол лестничной клетки.

Девочка наклонила голову с ровным пробором в русых волосах, и эта узенькая дорожка пробора, так аккуратно разделявшая головку на две половины, и полоска белой шеи, похожей на жалкий стебелек полевого цветка, заставили сжаться мое, в общем-то, ко всему привычное сердце.

– А ну-ка, входи, – я взяла ее за плечо и силой заставила войти в квартиру. – Нечего стоять на лестнице и мочить слезами ступени, тем более что их все равно недавно помыли. И реветь не надо. Важные денежные клиенты, которые приходят нанимать себе телохранителя, должны соблюдать достоинство и смотреть на все сверху вниз.

Но девочка не приняла моего шутливо-ободрительного тона.

Хлюпя враз покрасневшим носом, она вытирала слезы тыльной стороной ладоней и кривила губы, готовясь вот-вот выдать мне новую порцию плача.

Чтобы опередить ее, я быстро сказала:

– А правда, ты мороженого не хочешь? Шоколадного, с вафлями и орехами?

От неожиданности она часто-часто захлопала мокрыми глазами. Я еще раз подумала, какие они странные, эти глаза: вздернутые к вискам веки делали девочку похожей на японку. Если бы кто-нибудь когда-нибудь встречал японку с серым цветом глаз и таким вот курносым, чуть затупленным на конце носиком.

Ну и потом, эти ресницы. Нет, такие длинные ресницы бывают только у наших русских девчонок. И когда-нибудь, лет этак через семь-восемь, этими самыми ресницами плачущая сейчас передо мной девочка будет сводить мужчин с ума и спокойно перешагивать через их распростертые в немом обожании по асфальту тела.

Но сейчас – сейчас она выглядела довольно жалко. Хотя и утешилась немного, когда я провела ее в кухню и, усадив на стул, вручила так кстати задержавшийся в морозильнике брикетик шоколадного мороженого.

– Мое любимое! – обрадовалась она, как ребенок. Впрочем, она и была ребенком. – Спасибо. А вы?

– Я не очень люблю сладкое.

Девочка посмотрела на меня изумленно – может быть, удивилась тому, что кто-то в этом мире может не любить сладкое, а может, едва сумев удержать вопрос: «Если вы не любите мороженое, то зачем же его покупаете?»

Хотя как раз на этот вопрос ответить было бы проще всего. Я действительно не люблю сладкое, и вовсе не потому, что стараюсь беречь фигуру для романтических приключений. Моя профессия – а я работаю телохранителем по найму – вот что обязывает «держаться форму» в любое время суток. Для этого нужно регулярно посещать спортзал, тир, аэродром, ну и в том числе – придерживаться правильного режима питания, который рекомендует исключить из рациона всякие вредные углеводы. А кроме того, мой отец-генерал с детства не слишком-то баловал дочку сладким, предпочитая простую солдатскую пищу вроде щей да каши.

Правда, теперь мои связи с отцом разорваны. Будучи человеком, как сейчас модно говорить, «толерантным», то есть снисходительным ко всякого рода человеческим слабостям, я все же не смогла простить отцу его скороспелой женитьбы

– через месяц с небольшим после смерти мамы. Он женился на какой-то длинноногой хабалке с хищным выражением лица, которой во что бы то ни стало хотелось повысить свой социальный статус до звания генеральской жены.

Я ушла из дома за два дня до того, как туда переехала отцовская пассия, и поселилась у тети Милы – единственной родственницы, которой до меня было дело.

Моя тетя Мила – вот кто ужасная сластена, и, когда на нее нападает стих «побаловать себя вкусеньким» (а этот стих на нее нападает ежедневно), она обычно запасает этого вкусенького полные закрома. Наш холодильник, как правило, забит под завязку мороженым, шоколадными батончиками, йогуртами и всякого рода ягодными муссами.

Но как раз недавно тетя Мила приняла очередное героическое решение – сесть на диету. И вот уже три или четыре дня она покупает для себя в магазине только вареный шпинат, на который взирает с таким же отвращением, с каким, наверное, смотрели друг на друга царь Иван Грозный и сын его Иван за минуту до знаменитого удара посохом по затылку.

Из прежнего опыта я знала, что желание стать похожей на красотку из модного журнала растает в тете Миле, самое большее, через неделю, и вытуренные из дому сдобные булочки с вареньем вот-вот снова займут свое почетное место на нашем большом кухонном столе, покрытом симпатичной скатертью в бело-синих цветочках.

Но пока – пока из всех лакомств в холодильнике тихо мерзла одна-единственная пачка мороженого, которую я и вручила заплаканной девочке с неподобающей этому случаю торжественностью.

– Угощайся! И не расстраивайся. Все в мире поправимо. Уж не знаю, какое у тебя там случилось горе, но думаю, что оно мне вполне по силам. Извини за любопытство, а зачем тебе телохранитель? Кому-то по шее надо накостылять, да? А кому? Мальчишкам? Из-за того, что за косички дергают?

Она замотала головой и положила ложку на тарелку.

– Не надо... не надо считать меня дурочкой из переулочка. Вы думаете, что я такая глупая и ничего не понимаю? Тем, кто меня за косички дергает, я сама сдачи даю, не сомневайтесь. А тут... Скажите, Евгения Максимовна, а вы правда согласитесь, чтобы я вас... Вы правда будете на меня работать?

Теперь девочка смотрела на меня, набычившись и нервно кусая тонкие губы. В ее удлинённых глазах снова стала собираться влага.

– Как тебя зовут? – спросила я вместо ответа.

– Аня. Вы правда будете на меня работать?

– Я тебя где-то видела. Откуда ты узнала, что я работаю телохранителем?

– Мы с вами живем в одном доме, вы в третьем подъезде, я – в одиннадцатом. О вас в нашем дворе все знают. А вы правда будете на меня работать?

– Давай так: сперва ты расскажешь мне, какое у тебя горе, хорошо? А там посмотрим. Может быть, я смогу помочь и без того, чтобы подписывать с тобой контракт.

Очень уж было жалко этого ребенка – вид у нее и в самом деле был очень несчастный. Ну а кроме того, не говорить же ей, что мои услуги стоят от пятисот до двух тысяч долларов в день, и это еще не считая расходов по делу!

* * *

Оказывается, Аня Стоянова, так звали мою неожиданную клиентку, пришла ко мне просить защиты от... собственных родителей.

Да-да, от папы и мамы! «От папы и Гульнары Сабитовны», – уточнила Аня, посмотрев на меня очень строго. Родную мать называть мамой она почему-то категорически отказывалась.

– А с кем ты сейчас живешь?

– С мамой! – выкрикнула девочка, резко вскинув голову. Тоненькие косички взметнулись, она сердитым движением отбросила их за спину. – То есть... ну да, с мамой! Хотя все говорят, что она мне мачеха. Но это не так, понятно? Все это вранье! Я живу с мамой, и она мне не мачеха, а мама, и знаете почему? Потому что она меня любит! Понятно?!

– Да уж куда яснее, – пробормотала я.

Действительно, возразить что-нибудь на это было бы

сложно.

Вот что она мне рассказала.

* * *

Мачеха очень любила Аню.

В этом можно было бы усомниться – ведь, в конце концов, падчерицы почти всегда уверены в обратном. Неродной матери, особенно если девочка знает, что мать ей неродная, трудно доказывать ребенку свою любовь. Но у Аньки была другая ситуация – она обожала Елену Вадимовну, которая появилась в их доме на шестой год после того, как девочке сказали о смерти мамы, когда самой Аньке только-только исполнилось девять лет.

Высокая, худощавая, всегда подтянутая и всегда строгая, Елена Вадимовна, однажды явившись, внесла в их дом покой и порядок.

До сих пор Анька с отцом жили ужасно безалаберно. И дело было даже не в том, что картошка у них хранилась в грязном мешке под вешалкой, а соль – в банке из-под кофе с кривой надписью «Гречка». Ужас был в том, что дочь с отцом вообще отвергали какой бы то ни было режим и элементарные понятия о долге и ответственности за собственное будущее. Спать они ложились не тогда, когда стемнеет, а когда не лечь уже было просто невозможно – глаза слипались, и утро зачастую заставало их на полу перед работающим в

пустоту телевизором. Ели тоже что придется, порою даже и сухие макароны, которые было просто лень варить, и они с хрустом уходили так, как есть, под жаркие споры о только что прочитанной книге или просмотренном фильме.

Когда Юрию Стоянову, Анькиному отцу, говорили, что дочь его ходит в школу в грязной юбке и драных ботинках, он искренне удивлялся, как только может удивляться человек, постоянно погруженный в творческие искания. Анькин отец был художником, точнее – иллюстратором в одном издательстве художественной литературы, но все свободное время посвящал не созданию нового образа Царевен-Лягушек и всяких там Маугли, а своей «заветной», как он ее называл, работе: написанию портрета некой Прекрасной Незнакомки. Портрета этого никто не видел, но, судя по тому, что Юрий Стоянов то и дело запирался в комнате, заменявшей ему мастерскую, и, с треском разрывая одни листы с карандашными набросками, тут же принимался накидывать новые, Незнакомка виделась художнику каждый раз по-разному – смотря по настроению.

Анькина мама погибла в автокатастрофе где-то в горах Кавказа, едва только девочке исполнилось три года. «Осиротила» – так говорили о ней соседки, вздыхая вслед неухоженной девочке с кое-как заплетенными косичками – на конце каждой из них вяло болталась мятая ленточка, всегда одна и та же. «Сиротинка!» – было вторым словом, которое слышала Анька от соседок в свой адрес, но, в отличие от первого,

этого слова она не понимала или, во всяком случае, не примеряла его на себя: своего сиротства девочка не ощущала.

Они с отцом души не чаяли друг в друге. Их отношения в немалой степени базировались на сообщничестве: если Юрию Стоянову случалось безбожно задержать заказанный издательством эскиз очередной обложки (причиной чему нередко становились шумные холостяцкие посиделки в их квартире, когда пиво лилось рекой и Аньку никто не выставлял из комнаты, даже в разгар особенных мужских откровений), то наутро Анька звонила папиному главному редактору и нарочито плаксивым голосом говорила:

– Ой, Павел Андреевич, я не знаю, что мне делать! У папы такая температура, я всю ночь ему полотенце на голове меняла... Сыпь такая выступила страшная по всему телу... И глаза красные, а нос, наоборот, белый... У него грипп, наверное... или этот, тиф... или клещевой энцефалит? Я не знаю, я так боюсь...

– Что ты говоришь, Анечка!

– Честное слово! Но вы знаете, самое страшное, что папа сейчас на работу, к вам то есть, собирается... Сам на ногах стоять не может, горячий, как печка, шатает его – а хочет из дому выйти, чтобы к вам... Вы ведь знаете папу, Павел Андреевич, – он у меня такой ответственный!

– Девочка, скажи ему, что я приказываю, слышишь, ПРИКАЗЫВАЮ ему сидеть дома и никуда не ходить – тем более к нам в редакцию! – впадал в панику главный редактор,

испуганный перспективой занесения в трудовой коллектив неизвестной заразы. – Заставь его сидеть дома и лечиться, лечиться и лечиться!

– Да, Павел Андреевич... Я скажу ему, надеюсь, папа вас послушается... Спасибо вам...

Трубка клалась на рычаг, и Юрий Стоянов, потрепав Аньку по всегда растрепанным волосам, с вороватым видом отправлялся в соседний ларек за пивом.

А если (случалось и такое) Анька сама прогуливала ненавистную ей математику, то на арену выступал уже отец. Его разговор с классной руководительницей дочери напоминал приведенный выше диалог, вплоть до плаксивых интонаций. И, как правило, он тоже заканчивался тем, что Аньке отпустились все ее школьные грехи – вплоть до полного «выздоровления».

И вот, когда худенькая (здоровья такой образ жизни не прибавлял) девочка с переброшенными на грудь косичками с грехом пополам перешла в третий класс, в их доме появилась Елена Вадимовна.

* * *

Анька хорошо помнила тот день: она ползала по разложенным по полу листам картона и, усиленно помогая себе языком, пыталась с помощью отцовских масляных красок изобразить знаменитую битву между индейцами племе-

ни черноногих и американскими войсками (об этом захватывающем событии она только что просмотрела фильм), когда услышала над головой спокойный низкий голос:

– Ну, здравствуй, Аня.

Подняв голову, девочка увидела перед собой внимательные карие глаза, полукружья изящных бровей и густые каштановые волосы, аккуратно, волосок к волоску, собранные в замысловатую прическу.

Женщина была не улыбочлива, строга и потрясающе красива.

– Здравствуй... те, – пробормотала Аня, поднимаясь с коленок. Всегда такая боевитая, она вдруг ужасно заробела под этим изучающим взглядом.

Правда, прошло совсем немного времени, и Анька уже совершенно точно узнала, что эти удивительные глаза вовсе не всегда были такими строгими. Они, эти глаза, излучали и ласку, и тепло, и любовь – девочка очень быстро научилась понимать это и часто, усевшись рядом с Еленой Вадимовной на диване, прижимаясь к ней и чувствуя на своей голове теплую ладонь, гадала: как сейчас смотрит на нее... мама? Задумчиво, ласково или осуждающе? Так тоже случалось, когда в ее дневнике появлялась противная двойка. И тогда, возвращаясь из школы, прежде чем войти в свой подъезд, она несколько раз с тоской обходила двор. Не наказания боялась Анька, не того, что вместо телевизора ее опять засадят за учебник, а этого пугающего перехода, когда теплый, ласка-

ющий свет в глазах Елены Вадимовны сменится холодным неодобрением и в голосе ее прозвучит искренняя обида:

– Как же так, Аня? Ты же мне обещала!

Она действительно обещала ей, обещала учиться на одних пятерки («честно-честно!»). Это обещание было торжественно преподнесено Анькой в качестве свадебного подарка папе и Елене Вадимовне. Свадьбы, собственно говоря, никакой не было: просто в один прекрасный день Елена Вадимовна, которая с того памятного дня стала частым гостем в их доме, положила руку на Анькину голову (как девочка любила эту руку!) и, присев рядом с ней на корточки, очень серьезно спросила:

– Аня... Мы с твоим отцом хотим пожениться. Ты нам разрешаешь? Хочешь, чтобы мы жили все вместе... всегда?

Глотая невесть откуда взявшиеся слезы (увидев эти слезы, Елена Вадимовна смутилась – в первый и последний раз, сколько ее помнила Анька), девочка схватила ее вторую руку и поцеловала ее...

* * *

А потом они, все втроем, сидели за празднично накрытым столом на их кухне (просто удивительно, как преобразилась эта всегда неуютная кухня с приходом Елены Вадимовны!) и ели бутерброды, и пили шампанское, и даже Аньке налили немножко, и она охмелела – то ли от счастья, то ли и вправ-

ду от шампанского, – и говорила-говорила-говорила, и смеялась, и снова плакала, и просила у Елены Вадимовны разрешения называть ее мамой, и предлагала в обмен прыгнуть ради нее с пятого этажа или учиться на одни, исключительно только одни пятерки («честно-честно!»), а папа говорил: «Да ты пьяная, Анька! Лена, посмотри на нашу дочь – она же законченная пьяница!» – и смеялся, обнимая жену, и Елена Вадимовна тоже смеялась, обнимая Аню, а Анька хохотала и, раскинув руки, обнимала их обоих...

Елена сумела многое, очень многое изменить в их доселе холостяцкой жизни. Исчез протертый во многих местах ковер в гостиной перед телевизором, на котором они с отцом так беззаботно проводили свои лучшие часы. На его месте появился современный стеклянный столик с дубовыми ножками и пушистый палас с раскиданными по нему турецкими подушками с кисточками на углах. В прежде пустой кухне, где много лет ворчал холодильник и не было ни одной приличной посуды, поселились веселенькие кастрюльки с блестящими, как зеркало, боками и такие же сверкающие сковородки.

Изгнали из кухни и колченогие табуреты с выступающими посредине щепками и гвоздями, прописав на их место изящный «уголок» с мягкими сиденьями. Понятия «перекусить» или «перехватить», «заморить червячка» навсегда исчезли из их жизни, уступив место полноценным завтракам, обедам и ужинам.

Анины косички, прежде напоминающие метелочки, теперь походили на крепкие шелковые канатики, аккуратнейшим образом перевязанные атласными ленточками. Елена Вадимовна перебрала содержимое Анькиного шкафа и безжалостно выкинула в мусоропровод тесные юбки, протертые на локтях свитера и порванные колготки. Их место на полках заняли вкусно шуршащие пакеты с новыми вещами.

Сам Юрий Адамович, с непривычки чувствуя себя несколько скованно в новом костюме и рубашке с модным отложным воротничком, каждое утро чинно отправлялся на работу и каждый вечер в точно обозначенное время приходил обратно. Анька видела, как присмирел и немножко поскучнел ее отец, но ни она, ни он о возвращении к прошлому не мечтали. И не потому, что им так уж понравилась эта сытая и уютная жизнь. Просто они оба любили Елену Вадимовну и не променяли бы ее ни на одно свое прежнее воспоминание.

Портрет Прекрасной Незнакомки был, наконец, закончен. И, по настоянию Аньки, висел на самом видном месте в их гостиной: большой, заключенный в массивную раму портрет стройной женщины с высокой прической и внимательными карими глазами. Художник разгладил еле заметные морщинки на этом прекрасном лице, заложил в уголки губ загадочную, как будто неземную улыбку и нарядил Елену в старинное темно-вишневое бархатное платье с рукавами-буфами, длинным шлейфом и расшитым лифом, полускрытым под

наброшенной на плечи соболиной ротондой. Ничего подобного в гардеробе Аниной матери никогда не было, так же как и не было у нее изображенной на портрете длинной нитки серого жемчуга. Но Анька никогда не сомневалась в том, что именно этот наряд как нельзя лучше соответствовал образу Елены Вадимовны...

* * *

Несколько лет они жили душа в душу. «Образцовая семья», – так говорила о Стояновых Анина классная руководительница. Кажется, они даже ни разу не ссорились друг с другом – во всяком случае, Анька не могла вспомнить ни одного мало-мальски серьезного конфликта между ней и матерью или между мамой и отцом.

До поры до времени...

Все началось сразу, вдруг – вот уж поистине, «в один несчастный день»! В этот день, двадцать третьего июня, Аньке исполнилось двенадцать лет.

Вечером ждали гостей, и Елена Вадимовна отправила Аньку в ближайший магазин, закупить хлеба и еще чего-то недостающего для праздничного стола. Размахивая хозяйственной сумкой, девочка пересекала двор и вот-вот должна была свернуть к ближайшему гастроному, когда из-за беседки, где любили собираться окрестные мальчишки, ее окликнули:

– Аня! Аня!.. Девочка, ведь ты – Аня?!

Она остановилась.

– Господи, большая какая... Аня, Аня! Ну иди же ко мне, дочка!

Вне себя от удивления, она обернулась.

Солнце светило вовсю, пересекая двор широкими лучами цвета растопленного масла. Тенистый островок образовывался как раз около беседки – там росло несколько старых тополей с пышными кронами. И в этой полускрытой в ажурной тени беседке Аня различила чью-то высокую фигуру.

Человек в беседке сделал несколько шагов навстречу девочке, вышел на свет, и тогда она увидела, что это женщина. Одета в черную шелковую блузку и такие же черные брюки – это в тридцатиградусную-то жару! – незнакомка сильно напугала Аньку, хотя девочка была не из пугливых. Она быстро пересекла двор, подошла к девочке и вдруг – протянула руки, сжала ее голову в сухих теплых ладонях:

– Аня, Аня! Как же ты выросла, дочка! Но я тебя все равно сразу, сразу же узнала!

Она говорила громким страстным шепотом и впивалась в Анино лицо своими огромными, сильно приподнятыми к вискам глазами, так странно похожими на Анины. Глаза у нее были тоже темные, под стать одежде. И на дне их разгорался черный сухой огонь.

Аня чуть было не вскрикнула, но сдержалась и, вместо того чтобы завизжать на весь двор, как резаный поросенок,

попробовала резко высвободиться. Перстни, которыми были унизаны руки страшной черной женщины, царапали ее щеки.

– Постой, погоди! – Отпустив ее голову, женщина взяла Аню за плечи, присев перед ней на корточки. – Я напугала тебя, напугала, да? Прости. Девочка, дочка, ты меня не бойся. Ты знаешь, кто я? Знаешь? Знаешь?!

От этого вопроса, повторенного трижды и произнесенного глухим свистящим шепотом, Ане стало еще больше не по себе. Она зажмурилась и открыла рот, готовясь все-таки закричать.

– Не бойся, не бойся! Анечка, дочка, я сейчас уйду. Я посмотрю на тебя – и уйду, ты меня не бойся. Я...

Внезапно она перестала шептать и, схватив Аню за руки, стала жарко осыпать эти руки, плечи, шею, лицо девочки частыми поцелуями. Аня делала попытки вырваться, но женщина придерживала ее за руки и целовала, целовала, а потом и вовсе замерла, низко-низко наклонив голову и прижав к своему лицу Анины ладошки, которые так и не выпустили пустую хозяйственную сумку.

В этой позе она стояла не менее десяти минут. Потом женщина вновь подняла голову, и Аня увидела, что она плачет.

– Прости... прости меня, девочка. Я сейчас уйду. Боже мой, боже мой... какая большая...

Она легко поднялась, машинально оправила на себе блузку, прическу из длинных, жгуче-черных волос, нервно по-

правила перстни, провела пальцами под веками, стирая остатки слез. От ее бывшего волнения, казалось, не осталось и следа – разве только этот сухой огонь в больших глазах со странным разрезом, так похожих на Анькины.

– Кто вы? – наконец решилась спросить девочка.

– Что? Кто я? Кто я... А ты знаешь, пожалуй, уже и никто, – ответила та, нервно засмеявшись. – Никто! Пока никто. Но скоро мы будем с тобой вместе, мы опять будем вместе... Совсем скоро. Ты скучала по мне? Скучала?

– Нет! Не скучала, совсем! Я вас в первый раз вижу! Я не знаю, кто вы!

– Да-да, – шептала женщина, пребывая все в том же лихорадочном состоянии. – Ты не можешь меня узнать, не можешь меня любить, ничего этого пока нельзя, я знаю... Но совсем скоро все изменится. Ах как скоро! Я пока не могу тебе больше сказать... да, пожалуй, пока и не нужно...

С трудом оторвав горящий взгляд от замершей девочки, женщина принялась лихорадочно шарить у себя в сумке. Сумка была большая, тоже черная и болталась у незнакомки на плече.

– Вот, – на свет появился вчетверо сложенный листок в клеточку, совершенно такой же, какие были в Анькиных тетрадках по ненавистой ей математике. – Девочка, это нужно передать папе... твоему папе... Сегодня же. Ведь ты сделаешь это для меня? Правда? Ты передашь?

Аня отступила на шаг.

– А что это?

– Ах, ничего особенного. Не бойся, что же ты испугалась? Это записка, просто записка... Вы же в школе пишете друг другу записки? Вот и я тоже написала, для твоего папы. Привет от старой знакомой. Так ты передашь?

Аня пожала плечами и кивнула – против своей воли. Она отчего-то чувствовала, что не должна принимать ничего от этой женщины, но у нее не хватило смелости отказаться, тем более что та снова схватила ее за руку:

– Ты не обманешь меня? Ты точно передашь?

Записка как-то сама собой вползла в Анину ладонь.

Забыв о магазине, о поручении Елены Вадимовны и даже своем дне рождения, девочка наконец оторвалась от этой страшной женщины и опрометью бросилась назад, домой, ничего не сказав незнакомке и ни разу на нее не оглянувшись...

* * *

– Что с тобой? А где хлеб, молоко? Что с тобой, Аня? Где ты так долго пропадала?

Елена Вадимовна, с выпачканными в муке руками, в фартуке и косынке, покрывающей высокую прическу, встретила ее у порога и сразу же забросала вопросами.

Ане было почему-то стыдно рассказывать о встрече с *той женщиной*, хотя она и не чувствовала за собой никакой ви-

ны. Поэтому она поступила просто: не отвечая ничего Елене Вадимовне, не раздеваясь и не разуваясь, она прошла через коридор в кухню, где папа трудился, отделявая отбивные, и положила перед ним записку – прямо рядом с грудой сырого мяса.

– Что это? – удивился он.

Елена Вадимовна молча стояла в дверях.

– Чудеса в решете, – сказал Юрий Адамович и, поскольку Аня ничего не ответила на его вопрос, вытер руки о переброшенное через плечо полотенце и взялся за записку.

Едва пробежав глазами первые строчки, Анин отец побелел как полотно. На лбу его выступили крупные бисеринки пота, такими же каплями покрылись и ранние залысины у висков. По-прежнему стоя у порога, Елена Вадимовна смотрела на него, ничего не спрашивала и ничего не говорила.

– Где ты это взяла? – спросил он изменившимся голосом.

– Там. – Анька махнула рукой в сторону окна.

– Где – там?

– Во дворе. Там какая-то тетя... странная. Она меня целовала, – вспомнив об этом, девочка зябко повела плечами.

– Лена... Аня... девочки... я сейчас приду. Я ненадолго.

– У нас скоро гости, – напомнила Елена Вадимовна.

– Да, конечно. Я ненадолго.

Было видно, что Анин отец очень торопится выйти из квартиры, но все же он вернулся из коридора, чтобы сменить домашнюю рубашку на одну из тех, нарядных, которые, вы-

глаженные Еленой Вадимовной, ровными рядами висели в платяном шкафу.

И еще он заглянул в ванную, чтобы охладить свое разгоряченное лицо под струей ледяной воды. В приоткрытую дверь Анька видела, как широкие ладони, плеснув воду, на несколько секунд задержались на лице, закрывая глаза и щеки.

Они у отца дрожали, эти руки.

Потом он ушел, негромко хлопнув дверью, а Аня, переведя взгляд на Елену, увидела, что та смотрит на нее такими же расширенными, ничего не понимающими глазами.

* * *

Отец вернулся примерно через час, и все время, пока собиравались гости, пока они сидели за столом, угощались, пили, поздравляли Аньку, его почти нельзя было узнать. Он был какой-то потерянный, задумчивый и, казалось, с трудом постигал, что вокруг него происходит.

Когда его просили передать соль или хлеб, он вздрагивал, поднимал глаза от своей пустой тарелки и непонимающе смотрел на собеседника. Над ним подшучивали, одергивали. Юрий Адамович улыбался жалкой, вымученной улыбкой и снова постепенно погружался то ли в задумчивость, то ли в оцепенение.

Гости разошлись, оставив Аньке целый ворох подарков.

Родители домывали в кухне посуду, а девочка, розовая после душа, переодевшись в пижаму, забралась к себе в кровать вместе с дареными книжками, футболками, модным DVD-плеером. Последняя вещь вызвала у нее особенное восхищение: плеер имел функцию диктофона, и девочка, повертев его в руках так и эдак, решила, что непременно должна сейчас же записать чьи-нибудь голоса.

Соскользнув с кровати, Анька прокралась к плотно прикрытой двери кухни и, стараясь не дышать, просунула плеер-диктофон в щель под дверью. Она не то чтобы сильно хотела узнать, о чем там секретничают ее родители, а просто было интересно, как работает машинка.

Машинка, как оказалось, работала превосходно. Когда, стараясь ступать как можно тише, Анька вернулась к себе в комнату и, закрывшись одеялом с головой, прослушала запись – все мигом перестало представлять для нее интерес: и прошедший день рождения, и подарки, и мысли о том, как уговорить завтра Елену Вадимовну сходить в зоопарк посмотреть на розового фламинго...

– ...это ее родная мать! Гульнара чуть с ума не сошла, когда увидела Аньку. Восемь лет не видеть родную дочь и даже ничего не слышать о ней, не знать... Елена, ты просто не можешь себе это представить! Это ужас для женщины, – услышала Анька возникший из динамика рвущийся отцовский голос.

– Да, конечно. Этого я себе не представляю. Но зато пред-

ставляю другое: что такое девять лет воспитывать ребенка, опекать его, заботиться... а главное... любить его! Вот это, Юра, я очень хорошо себе представляю.

– Неужели тебе не жалко ее?

– Кого? Аню? Или эту... прости, как, ты сказал, ее зовут?

– Гульнару.

– Ее – нет.

– Но она – мать...

– Это я – мать!

– Она родная мать...

– Спасибо, что напомнил, – голос Елены Вадимовны сразу стал суше и как-то отстраненнее. – Всегда я не любила истертых фраз, но знаешь, нельзя не вспомнить: не та мать, которая родила...

– Да-да... И я, и Анька тебе очень благодарны, поверь... но...

– Благодарны?!

– То есть я не то хотел сказать, нет, конечно, не то... мысли путаются... Лена, я... Я не хочу сейчас обсуждать, кто рожал и кто воспитывал Аньку. Так получилось, что нас сейчас около нее трое и она всем нам дочь... Я... у меня сейчас голова лопнет, честное слово...

– А ты выпей воды и иди спать. – Анька впервые слышала, чтобы мама говорила с такой жесткой насмешкой. – Если хочешь, мы поговорим об этом завтра, хотя я лично не вижу, о чем нам говорить. Просто не вижу темы. Ты хочешь

устроить им свидание? Так или нет?

– Если ты позволишь...

– Только в моем присутствии.

– Хорошо, пусть так.

– И потом она уйдет. Навсегда!

– Лена, пойми, ей некуда идти...

– Пусть уходит туда, откуда пришла.

– Это значит – на верную смерть, Лена.

– Ты преувеличиваешь.

– Нисколько. Ты не знаешь нравы этих людей... Эти дикие, варварские обычаи... сбегая из дома мужа, Гульнара опозорила его семью и семью своих родителей... Ее обязательно убьют – не муж, так братья... Там...

– Оставь, мне это неинтересно.

Ох, как хорошо работал диктофон! Несмотря на то что оба родителя замолчали, Аня отчетливо слышала тяжелое дыхание отца и легкое позвякивание посуды – Елена Вадимовна ставила вымытые тарелки на сушилку.

– Юра, пойми... – Мама первая прервала молчание. – Я столько лет хранила и оберегала нашу семью... Я так старалась стать вам обоим – тебе и Ане – родной и необходимой...

– Леночка, ты нам родная и необходимая!

– ...что ты и представить себе не можешь, как мне тяжело слышать такое: у Ани объявилась мать... Господи, да это же дикость какая-то – у моей дочери объявилась мать! Ладно, это я еще могу как-то понять. Чего не бывает в жизни! Но

вот то, что она хочет жить вместе с нами, одной семьей...

– И такое тоже бывает в жизни, Леночка!

– Но не в моей семье. И никогда не будет.

– Ох как ты жестока!

– Я жестока? Я?!

Хотя родители говорили вполголоса, казалось, они почти кричали, перебивая друг друга. Потом снова наступила тишина. И после паузы, уже не наполненной никакими звуками, Анька услышала усталый голос Елены Вадимовны, поставивший точку в этом трудном для них разговоре:

– Хорошо, Юра. Я, наверное, в чем-то виновата перед тобой, если в такую минуту ты думаешь о той женщине больше, чем обо мне. Но сегодня мы оба устали. Давай примем окончательное решение завтра.

Юрий Адамович что-то забормотал в ответ, потом в диктофоне послышался шорох – это Анька вытаскивала из дверной щели свой диктофон – и все стихло...

Из этого разговора Анька не поняла и половины. Ясно, что речь шла о женщине, которая так жарко обнимала и целовала ее, Аньку, в нескольких метрах от дома, а потом попросила передать папе записку. И что, получается, эта странная женщина – ее мать? Значит, она не погибла в горах Кавказа, как рассказывал ей отец? Но тогда... если она мать... почему все эти годы она не жила вместе с ними?

Аня была достаточно взрослой девочкой, чтобы понимать разницу между родной и неродной матерью. Но точно так же

у нее хватало ума понять, что мама у нее может быть только одна – Елена Вадимовна. Все остальные женщины, даже если допустить, что они умнее и красивее ее мамы (хотя такого, конечно, не могло быть), не годились ей даже в подметки.

Она вспомнила ту черную женищну, ее горячие ладони, горящие глаза, так похожие на Анькны... «Мама, мама», – попробовала она сказать это той, черной женщине. И тут же зажала рот ладошкой: получилось, что она хоть и на секунду, но предала Елену Вадимовну. Все равно что оттолкнула ее!

– Нет, нет! Ерунда! Ничего этого не будет! – твердо сказала она, глядя в потолок немигающим глазами.

Чего «этого»? Анька не знала. Но она чувствовала, что помимо ее воли вокруг нее сгущается что-то страшное. И разорвать это страшное так же трудно, как ей, маленькой Аньке, в одиночку защитить свою семью от какого-то большого горя...

* * *

А утром – вот уж чего Анька не ожидала! – за кухонным столом, накрытым к завтраку с какой-то подчеркнутой аккуратностью, сидела «эта». Высокая, неприятно-напряженная, во всем черном. Смуглой рукой она подносила ко рту чашку с чаем, но рука дрожала, и женщина, не отпив ни глотка, снова поспешно ставила ее на стол.

– Знакомься, доченька, – не своим, каким-то деревянным

голосом сказал папа. – Это... это... это твоя...

– Юра! – предостерегающе сказала Елена Вадимовна.

– Но, Лена...

– Кто вы? – спросил Анька, глядя на незнакомку.

– Я... я... Меня зовут Гульнара Сабитовна, – сказала та, запинаясь.

– Ну и что?

– Аня! – вскрикнула Елена Вадимовна.

– Девочки! Девочки, не ссорьтесь, – отец решил, что разговором все-таки должен рулить мужчина. – Мы же хотели пить чай. Тихо-мирно. А обсудим все потом. Когда останемся одни.

– Когда это вы останетесь одни? – хмуро спросила Анька.

– Когда ты пойдешь гулять.

– Я не пойду гулять.

– Пойдешь. Вот позавтракаешь и сразу отправишься.

– Нет!

– Аня...

– Нет, нет, нет! – бросив свою чашку, да так неловко, что чай из нее вылился и обрызгал Гульнару, которая отпрянула с таким ужасом, будто в нее бросили бомбу, Анька соскользнула со стула и бросилась к Елене Вадимовне.

– Ну что ты, девочка моя, что ты... – бормотала та, обнимая Аньку за голову.

В кухне воцарилось напряженное молчание.

– Я не понимаю... не понимаю, за что вы меня так нена-

видите, – дрожащим голосом заговорила Гульнара. Только теперь Анька, спрятавшая лицо на груди у Елены Вадимовны, услышала в голосе черной женщины еле различимый восточный акцент. – Ведь я же пришла по-хорошему, поговорить... Ведь надо же нам принять решение...

– Это решение надо было принимать девять лет назад.

– Но у меня были обстоятельства... Вы просто не понимаете...

– Не понимаю. И, простите, не хочу понимать, – пальцы Елены Вадимовны успокаивающе перебирали Анькины волосы.

И опять возникла пауза – на этот раз еще более продолжительная.

– Я, пожалуй, пойду.

– Сиди, Гуля.

– Нет, я пойду. Но только вы не думайте, что я уступаю вам, – вдруг холодно и даже, как показалось Аньке, зло обратилась она к Елене. – Мы еще посмотрим, на чьей стороне правда!

Елена ничего не ответила. А папа, который все это время смотрел на Гульнару, словно зачарованный (можно было подумать, что она его заколдовала), поднялся вслед за нею.

Они вышли в коридор, немного покопались там и ушли. Плечи Елены Вадимовны вздрогнули, когда входная дверь хлопнула, отрезая девять лет ее счастливой жизни в полноценной семье...

– Мама! Я тебя никогда не брошу, – заверила ее Анька.

Отец больше не возвращался. Это было так странно! Анька до сих пор думала, что такое бывает только в кино: здоровый, умный мужчина уходит от дочери и жены, не взяв из дома даже чистой рубашки. Но так было.

Юрий Адамович не появлялся в доме несколько недель, хотя был жив и здоров: Елена Вадимовна откуда-то узнала, что он регулярно ходит на работу. Они с дочерью не обсуждали отца, хотя взгляд то и дело натывался на его вещи, рисунки, фотографии. Что ж, он сам принял решение.

– Первая жена – первая любовь, – пробормотала однажды Елена, не зная, что Анька слышит ее.

И вдруг, недели через три или четыре после того, как отец бросил их, зазвонил телефон. Вопреки очевидному (тому, что телефон всегда звонит одинаково), Анька как-то сразу, по звонку, поняла, что это именно отец: было в этом звонке что-то жалкое, виноватое, но в то же время и просящее.

– Дочка, – услышала она. – Дочка, спустись на минуточку... К беседке во дворе – знаешь?

– Уже поздно, – нахмурилась Аня.

– Не поздно, Анечка, лето ведь. Спустишься, я очень тебя прошу.

Если бы Елена Вадимовна была дома, то она, конечно же, ни за что не разрешила бы Аньке идти куда-то одной, хотя бы и на встречу с родным отцом. Но, как на грех, именно в это время она зашла зачем-то к соседке. А отец так настаивал...

– Только ты не думай, что я куда-нибудь с тобой пойду, – предупредила Анька и швырнула трубку. А затем выскользнула из дому, дав себе слово, что проговорит с отцом не более нескольких минут...

Он ждал ее все в той же беседке, за тополями. Очень осунувшийся, похудевший. На Юрии Адамовиче была та же самая рубашка, в которой он ушел из дому, но – чистая. Глаза отца, которого Анька помнила всегда таким спокойным и добрым, лихорадочно горели. И еще – он держал правую руку в кармане. Не вынул ее даже тогда, когда наклонился поцеловать Аньку в пробор между мягкими волосами:

– Здравствуй. Я соскучился. А ты?

– Почему ты не идешь домой? – уклонилась от его объятий Анька.

– Понимаешь...

– Что?

– Думаю, что сейчас ты не поймешь меня. А когда вырастешь...

– Что?

– Ну, наверное, тогда-то ты меня поймешь. Видишь ли, девочка, жизнь – это такая сложная штука... Впрочем, я потом тебе все объясню... А пока... В общем, вот: хочешь уехать со мной? Со мной и... с мамой?

– С Еленой Вадимовной? – Впервые за много лет Анька назвала ее по имени-отчеству.

– Нет. С мамой. Девочка моя, ты узнаешь ее и полюбишь,

полюбишь точно так же, как...

Не говоря ни слова, Аня развернулась и пошла в сторону дома.

– Аня! Подожди!

Она не обернулась.

– Аня!

Она не обернулась даже на его топот – отец догонял ее.

– Аня, ты вынуждаешь меня...

Не прерывая шаг, девочка покосилась на отца и увидела, что тот медленно вынимает руку из кармана.

– Прости меня, Анька! – Это было последнее, что она услышала.

В руке у отца оказался черный пистолет, который он направил прямо Аньке в лицо. И выстрелил.

* * *

– Что-о?! Родной отец пытался тебя убить?! – не сдержала я удивления. А кто, хотела бы я знать, не был бы поражен таким рассказом?

– Не убить. – Анька помотала головой, взметнулись косички. – Усыпить! Это был пистолет с усыпляющим газом. Я не знаю, откуда он оказался у папки. Он никогда не разбирался в оружии. Даже в тире всегда мазал... мы с мамой над ним смеялись.

– Ну все равно, знаешь ли, выстрелить в лицо собственной

дочери, пусть даже и из газового пистолета...

Одновременно я подумала, что очень давно не сталкивалась в своей работе с такой штукой, как пистолет, стреляющий патронами с усыпляющим газом. Хотя хорошо знала, как они устроены, – мой наставник и «крестный отец» в спецназе, майор Сидоров, как-то посвятил целых полтора часа привала (наша часть дислоцировалась тогда на Кавказе), чтобы убедить нас в преимуществах газового оружия над травматическим.

– Газовый пистолет иногда удобнее даже боевого оружия, – говорил он. – Из него можно начать стрелять быстрее, и у него намного бóльшая эффективность использования боезапаса. С газовым совершенно не нужно так тщательно оценивать ситуацию, как с боевым. Это не смертельное оружие, и даже если вы ошибетесь, это не нанесет непоправимого вреда... И целью стрельбы из газового пистолета является не «поражение», а создание газовой завесы на месте происшествия. Поэтому КПД использования патронов в газовом пистолете равняется почти ста процентам...

Но то, что казалось логичным и само собой разумеющимся там, на месте настоящих боевых действий, сейчас выглядело, мягко говоря, ничем не оправданной жестокостью. Стрелять в родную дочь! Пусть даже из газового пистолета!

– Так, и что же было потом?

– А я не помню, – простодушно призналась Аня, – я же уснула.

– Как, вот так сразу?

– Да. Вы знаете, я даже сон видела...

Ясно. Судя по всему, девочку усыпили газом, содержащим валиум – препарат, подавляющий психику человека и лишаящий его способности к сопротивлению. При этом жертвам мерещатся всяческие галлюцинации, иной раз весьма даже приятные. При этом человек действительно засыпает сразу – еще прежде, чем успевает заметить облачко спрея, прежде чем почувствует запах газа.

– Я-то сама ничего не помню, но мама, которая побежала меня разыскивать, увидела, что папа на руках перенес меня через дорогу и хотел в машину запихнуть. То есть, конечно, не запихнуть, как мешок, а... там кто-то был, в этой машине. Наверное, эта... Гульнара... Он меня хотел ей передать. Но мама налетела на них, стала кричать, бить по машине кулаками. Они просто испугались.

– Чего?

Я спросила не просто так – ведь, говоря формально, у Елены Вадимовны не было никаких прав для того, чтобы воспрепятствовать родным матери и отцу забрать своего ребенка. Да, у девочки была сложная ситуация.

– Наверное, просто от неожиданности испугались. Мама... Елена Вадимовна... она подняла страшный шум. Вырвала меня из папиных рук. Собрались соседи. От нее такого никто не ожидал – все знали, что мама у меня такая спокойная, ровная.

Вырывая дочь из рук предавшего ее человека, Елена Вадимовна и в самом деле превратилась в фурию. Она кричала, призывала в свидетели весь двор, грозила похитителям судом, обнимала Аню, все еще пребывавшую в беспамятстве, так, словно только что спасла ее от неминуемой гибели. Синий «Пежо», в который, пятась от нее, нырнул Юрий Адамович, сорвался с места сразу же, как только он захлопнул за собой дверцу.

...А проснулась Аня в своей кровати, и ладонь Елены лежала у нее на лбу.

– Не беспокойся, девочка моя, все уже кончилось, – сказала она.

Но оказалось, что все еще только начинается.

На следующий день их навестил участковый инспектор. Мама не стала выставлять Аньку из кухни, и девочка слышала весь разговор.

– Вам придется отдать Аню отцу и ее родной матери, – виновато говорил молоденький участковый, утирая лоб скомканным носовым платком.

Снятая фуражка лежала рядом, на столе. Тут же, рядом, стоял стакан с водой, которую участковый попросил принести, чтобы побороть смущение, да так и не выпил.

– Понимаете, они подали иск в суд. Требование – определить место жительства девочки с ее родителями. И суд, даже если досконально изучит все материалы дела, будет вынужден, понимаете вы меня – *вынужден*, удовлетворить эти

требования. Потому что по закону дети должны жить с родителями, а не с... вы, пожалуйста, простите меня... а не с чужими людьми.

– А мнение ребенка? Она уже достаточно взрослая для того, чтобы иметь свое мнение!

– Да, но она несовершеннолетняя.

Елена с болью посмотрела на Аню. Девочка ответила ей таким же взглядом, в котором к боли и тревоге примешивалась еще и растерянность.

– Дело осложняется еще и тем, что ваш брак с гражданином Стояновым не зарегистрирован. С точки зрения закона... еще раз простите меня, я всего лишь участковый инспектор... С точки зрения закона, Ане вы не только не мать, но даже и не мачеха. У вас совсем нет никаких прав...

– Что же нам делать?

– Опять же, как представитель закона, я могу посоветовать только одно: уступите. Другого выхода у вас нет.

– Я не отдам им мою дочь!

– Вам придется. Суд вынесет решение, придут судебные приставы. Девочку могут отнять у вас силой.

– Тогда мы уедем. Далеко...

– Вас обязательно найдут, а кроме того, это уголовное преступление. Киднепинг – слышали? За похищение чужого ребенка вас могут посадить лет на десять. Честное слово, Елена Вадимовна, я бы вам этого не желал.

– Что же нам делать?! – снова с болью повторила Елена

Вадимовна.

Участковый вздохнул. Все было сказано.

Вот как раз после ухода участкового инспектора, когда мама, строго приказав ей и носу не высовывать на лестничную площадку, ушла в магазин, Анька и решила обратиться ко мне. Она просто не видела другого выхода. Девочка знала, что в ее доме, в третьем подъезде, живет такая Евгения Охотникова и профессия ее – телохранитель. Само слово «телохранитель» она поняла буквально и, в общем-то, правильно: человек, который хранит тело того, кто не хочет, чтобы его тело оказалось где-то в другом месте.

– Вот теперь я вам все рассказала. Скажите, вы правда будете на меня работать?

Слезы у нее высохли, вазочка из-под мороженого была пуста, и губы, которые она так по-детски облизывала маленьким розовым язычком, больше не дрожали. Но глаза смотрели просительно и выжидающе, и по всему было видно, что Анька не собирается вставать с табурета и уходить из моего дома до тех пор, пока не получит положительного ответа.

А я – редкий случай – стояла напротив нее и не знала, что ответить. Конечно, дело было не в деньгах, хотя моя профессия действительно – телохранитель и эта работа стоит больших денег. Если бы я могла, то оказала бы помощь этой девочке и ее матери безвозмездно – просто из любви к ближнему. Но чем же я могла им помочь в этой ситуации? Подсобить Елене Вадимовне пойти на преступление, спрятать ото

всех Аню? Ну, во-первых, это стоило бы мне лицензии, а во-вторых, делу бы все равно не помогло. Поговорить с Юрием Стояновым, попробовать убедить его в том, что он поступает по меньшей мере подло? Но какой резон этому человеку, предавшему свою семью, выслушивать нотации от посторонней женщины вроде меня? Он просто рассмеется мне в лицо.

Что же, получается, что и в самом деле нет никакого выхода?

– Знаешь что, Аня, – сказала я после долгого раздумья. – Давай-ка я сначала поговорю с твоей мамой. Не хочу тебя обнадеживать, ты же достаточно взрослая девочка, чтобы не верить в сказки, но, может быть, вместе мы сумеем что-нибудь придумать.

– А я думала... – сказала Аня и осеклась.

Наверное, она хотела сказать, будто думала, что я сейчас же, не сходя с места, предложу ей какой-нибудь план. Например, засуну ее и ее маму в волшебный ящик, отвезу куда-нибудь и выпущу – и обе они окажутся в светлом мире покоя, в эдакой Аркадии, с райскими кущами и пышной зеленью. Или свяжу ее отца и эту Гульнару и пытками и угрозами вырву у них обещание раз и навсегда оставить Аню и Елену Вадимовну в покое? Или возьмусь защищать их обоих от различных посягательств до конца жизни?

Разумеется, я не могла сделать ни того, ни другого, ни третьего.

В квартире Стояновых стояла удивительная тишина. Эту тишину было слышно даже отсюда, с лестничной клетки.

– Мама? – громко спросила Аня, когда никто не отозвался на наш звонок и в третий раз.

– Еще не пришла?

– Этого не может быть! Она сказала, что идет только в булочную, а та за углом...

Лицо у моей «клиентки» вытянулось и приняло какое-то туповатое выражение.

– А ключи? Ключи у тебя есть?

Она помотала головой, да я и сама видела, что замок в двери был врезан «английский», который просто захлопывался. И, кстати, так же просто выбивался.

Решившись, я разбежалась настолько, насколько это позволяла длина лестничной площадки, и с силой несколько раз ударила ногой по замку – точно пяткой по замочной скважине. «Бить нужно именно ногой, потому что сила удара ногой больше, чем сила удара плечом, и точность удара ногой выше», – поучал нас уже упоминаемый здесь майор Сидоров, когда читал лекции на тему «Как правильно выбить дверь» – да-да, была у бойцов спецназа и такая наука.

После трех или четырех ударов дверь, вырвав вместе с замком внушительный кусок косяка, со скрипом открылась.

Попридержав Аньку, которая готова была ринуться в квартиру, я (эх, и что мне стоило взять с собой свой «ТТ»? Но я не взяла, а жалеть теперь бесполезно) сама быстро прошлась по комнатам. В первых двух никого не было. А в третьей...

– Кажется, жива, – негромко сказала я замершей у стены Аньке. – Вызывай-ка «Скорую», и побыстрее.

Аня машинально протянула руку к телефону на тумбочке – и вдруг как-то осела, обмякла, начала давиться рыданиями.

Я стояла на коленях у тела и осторожно нащупывала жилку на шее Елены Вадимовны – какой-то страшно длинной и белой.

Елена вообще вся казалась страшной, длинной и белой, вытянувшись по всей длине в узком кишкообразном коридоре, лежа на боку, с неловко подвернутой под тело рукой и головой, обращенной нам навстречу. Разметавшиеся черные волосы закрывали половину бледного лица – был виден только один, страшно неподвижный глаз, пол усыпан шпильками, а под головой растекалась небольшая багровая лужица. Концы прядей тоже намокли в крови, уже начинавшей затягиваться маслянистой пленкой. На Елене были плащ и темная немаркая юбка. Сейчас она задралась, открывая стройные ноги в черных колготках, с большой дырой на правом колене – из нее тестом выпячивалось бледное тело и расходились в стороны широкие «стрелки» прорванного капрона.

– Мамочка! Мамочка! Мамочка! – через равные проме-

жутки, всхлипывая, шепотом вскрикивала Аня.

С расширенными от ужаса глазами девочка стояла в углу, неловко опутанная спиралью телефонного шнура – трубка висела в ее руках, постанывая частыми гудками, – и продолжала автоматически наматывать и наматывать на себя пружинящий провод, который срывался с ее плеч и шеи, вновь оказывался в руках и тут же снова растягивался в поднятых к горлу пальцах.

Я шагнула к Ане, мягко вынула из ее рук телефонную трубку, быстрым движением раскрутила шнур и набрала номер «Скорой». Слово лишённая последней опоры, девочка тут же съехала по стене на пол, обхватила коленки руками и уткнула в них голову с косичками, окольцованными разноцветными резинками. Она уже не плакала, но что-то шептала, вяло шевеля враз побледневшими губами.

Все двадцать минут, пока ехала «Скорая», я стояла на коленях возле тела и контролировала нитевидный пульс раненой. Никакой первой помощи оказать ей я не могла – тут был нужен только врач.

– Аня! Прекрати реветь! Жива твоя мама, слышишь? Жива. И будет жива, рана не очень серьезная, – соврала я, чтобы как-то ее подбодрить. – Сейчас приедет врач, маму увезут в больницу...

– Нет!

– Как это «нет»? Обязательно увезут! Здесь нужен серьезный врачебный уход. И ты при врачах, пожалуйста, не ка-

признчай.

– А я?

– И с тобой тоже все будет хорошо. Ведь ты же наняла меня, так? А все вопросы о спасении жизни клиента решает телохранитель.

Аня всхлипнула.

– Так вы будете на меня работать?

– Да. Считай, что с этой минуты ты – моя клиентка.

Девочка хотела что-то мне сказать, но не успела – она проворно шагнула в сторону, чтобы подпустить к телу врачей «Скорой помощи». Молчаливые эскулапы разом наклонились над неподвижной Еленой, разом произвели беглый, но профессиональный осмотр, разом переглянулись, одновременно раскрыли блестящие чемоданчики, чем-то звякнули, чем-то затащили, что-то вкололи, в минуту установили над Аниной мамой переносную капельницу и так же синхронно кивнули санитарам. Последние очень ловко погрузили тело на носилки и понесли к выходу. Первый врач зашагал рядом, высоко поднимая капельницу, а второй присел к телефону и набрал номер, который, как видно, знал наизусть.

– Берем женщину, на вид сорок лет, черепно-мозговая сотрясением, – сказал он негромко. После того как трубка вновь заняла свое место, врач быстро оглядел меня и властно спросил: – Вы?..

– Знакомая, – ответила я и, подумав секунду, добавила: – Близкая знакомая.

– Девочку...

– Девочку беру под свое попечение.

– Хорошо. Да, по закону я должен...

– Оповестить милицию, – кивнула я и успокаивающе выставляла вперед ладонь. – На этот счет не беспокойтесь. Позвоню, доложу и трогать ничего не буду. Я сама из силовиков. В чине капитана.

Доктор удовлетворенно кивнул и, не оборачиваясь, сбегал вниз по темной лестнице. Я потеряла лоб и потянулась к телефону: по закону о таких вещах, как покушение, я и в самом деле должна была немедленно сообщать в милицию.

Потом, когда мой вызов был принят, я наклонилась над совсем съезжившейся Анькой и ласково тронула ее за плечо. Девочка тихонько взвизгнула и забилась в истерике – смотреть на это было выше моих сил, я отвернулась и шагнула в сторону кухни, чтобы принести ей воды – под ногами задрезало...

Машинально я тронула ногой звенящий предмет. Это была тяжелая, с крепкой деревянной ручкой, сковорода. Вновь, уже с большей осторожностью, я перевернула кухонную утварь носком кроссовки – да, так и есть, на внешней стороне чугунной сковородки отчетливо выделялась смазанная к краю красная полоса и налипшие сверху длинные, черные с проседью волосы.

– Так вот чем ее ударили...

Отодвинув сковородку в сторону – так, чтобы ненароком

не зацепить вещественное доказательство и не смазать возможные отпечатки пальцев, – я принесла воды, а затем повела всхлипывающую Аню в ванную, успокаивающе бормоча ей на ухо какую-то журчащую ерунду.

– Я с... са-ма... – всхлипнула Аня, когда я хотела помочь ей умыться.

Сама так сама. Пока девочка хлюпала над краном, я прошла в комнату и осторожно присела на покрытый потертым покрывалом диванчик.

Комната как комната. Ни следов разгрома, ни намеков на попытку ограбления. Вот только слегка приоткрыта стеклянная дверца допотопного серванта, и из нее кособокой пирамидкой отчасти выскользнули, отчасти высыпались пять-шесть пухлых альбомов с семейными фотографиями. Часть этих фотографий разлетелась по комнате – как раз напротив меня серел край старого снимка с зазубринками по краю, я видела лицо неловко улыбавшейся красивой темноволосой женщины – конечно, это была Елена – и край пухлой Анечкиной щеки. На этой фотографии она была еще совсем девочка.

– Аня! Ты готова?

– Да... – тихо ответили из ванной.

Аня уже почти пришла в себя. И очень кстати – потому что прихожая наполнилась мужскими голосами. Не обращая внимания на появление людей в погонах, я провела сквозь них Аню с закутанной в полотенце головой и усадила ее на

тот же самый диванчик. Девочка вынырнула из слоя толстой махровой ткани – дорожки слез были начисто смыты, гладкая кожа на круглом лице блестела, только глаза и крылья носа были красными, и, шмыгая носом, задышала тяжело, часто, но уже без истерики.

– Добрый день, Евгения Максимовна, – протянул длинный, как каланча, следователь, Валентин Игнатьевич Курочкин, остановившись перед нами и недоверчиво переводя маленькие глазки с меня на Аню, с Ани на меня и так далее, будто следил за игрой в пинг-понг. Пару раз мне случалось иметь дело с этим очень старательным, но не слишком сообразительным следователем районной прокуратуры, и, увы, приходилось признать, что Валентин Игнатьевич не слишком-то жаловал, как он говорил, «эту слишком много себе позволяющую девицу, которая вместо того, чтобы завести себе мужика и успокоиться, постоянно вмешивается в мужские игры».

– Чем обязан вашим появлением на месте преступления?

– Тем, что это я вас вызвала.

– Да? И что же тут произошло? – Курочкин отвечал мне, но обращался к Ане и почему-то еще к своему коллеге-подручному. Очевидно, он был женоненавистником.

Слегка морщась от того, что уходит драгоценное время, я коротко доложила коллеге обстановку. Курочкин со слегка скучающим видом сделал несколько пометок в своем потрепанном блокноте и вновь обратился к своему коллеге:

– В целом, причина вызова милиции мне понятна. Будем работать. Вы все свободны, с больницей, в которую увезли потерпевшую, я свяжусь, а сейчас... – он дотронулся до Анечкиного плеча, она вздрогнула и отпрянула ко мне, – сейчас мы поговорим с тобой. Но, – повысил он голос, – после того, как уйдет Евгения Максимовна, которая совершенно напрасно не понимает, что она здесь – лишняя.

Следователь выжидающе замолчал, но это не помогло. Я и не подумала тронуться с места – более того, обняла прильнувшую ко мне девочку и язвительно произнесла:

– Извините, но, согласно закону, девочку допрашивать вы можете только в присутствии родителей или опекуна – она несовершеннолетняя.

– А вы ей кто? – наконец вышел из себя Курочкин. – Мать? Или опекун... опекунша?

– Я ей – мать, – легко согласилась я и улыбнулась прямо в лицо Курочкина.

– Как?!

– Крестная мать. Ведь мы соседи. Я знаю девочку с самого рождения.

(Конечно, я врала, но кто мог это проверить?)

– И травмировать психику ребенка я вам не позволю. Или задавайте вопросы в моем присутствии, или я забираю девочку с собой – и только вы нас и видели.

Курочкин открыл рот, захлопнул его, снова открыл – я сидела, не шелохнувшись. В конце концов следователь с шу-

мом выдохнул воздух и начал торговаться.

Результатом этого торга стало то, что Анечка согласилась отвечать не только на его, но и на мои вопросы. В результате получился такой вот «перекрестный» допрос, несколько смягченный с учетом ранимой психики ребенка.

Монотонный Анечкин рассказ, в общем-то, не содержал какой-либо важной информации. Да это было и неудивительно – ведь Елену Вадимовну, лежащую посреди коридора всю в крови и без сознания, мы обнаружили с нею вместе. При воспоминании об этом в удлинённых глазах Ани стали снова собираться слезы. Чтобы опередить их, Курочкин поспешно спросил:

– Аня, а где же был... а папа твой где?

– Папа... он... – Аня беспомощно оглянулась на меня. –

Он ушел.

– Куда?

– Я не знаю...

– Как же?

– Валентин Игнатьевич, у девочки и без того большое горе. Не будем усугублять его еще и воспоминанием о том, как ее родной отец оставил семью. Позвольте, теперь я тоже хочу задать вопрос. А скажи, моя дорогая, в доме ничего не пропало?

– Я не знаю...

– Посмотри, посмотри, мы подождем, только внимательно посмотри, – прогундел Курочкин.

Аня встала с диванчика, придерживая на себе полотенце. Шлепая босыми ногами, обошла небольшую комнатку по периметру. Поскрипела дверцами шкафа, передвинула предметы на этажерке, прошла мимо нас в соседнюю комнату, пошуршала там, вернулась...

– Нету... маминых колечек. И еще у нас деньги были, немного, мама держала дома на всякий случай, в чайнице, – их тоже нет. Потом, с тумбочки вот, у телевизора, пропала наша видеокамера, еще мой магнитофон, он в той комнате на окне стоял... И еще я не вижу сумки, такой большой, черной...

– Дорожной?

– Мама называла ее хозяйственной, но вообще-то она больше...

– Вещи, которые ты назвала, точно пропали? То есть магнитофон, например, вы не могли сдать в ремонт или кому-то одолжить?

– Нет-нет, что вы!

– Хорошо. А что у мамы были за «колечки»? – спросила я.

– Ну, там... Обручальное, потом, два таких золотых, с большими камнями, старомодных уже, от ее мамы достались... Еще там рядом две цепочки лежали, тоже золотые, такие – не очень чтобы толстые, простого плетения... и кулончик маленький, в виде единорога. Это все вместе было, в круглой такой шкатулочке, в нижнем ящике комода. Где полотенца.

– Анюта, я правильно тебя поняла: речь идет не о каких-нибудь там фамильных ценностях, а об обыкновенных ювелирных изделиях? Которые продаются в магазине?

– Ну да...

Больше из нее нам не удалось выудить ничего существенного. Я бодрым тоном приказала ей собираться («Переночуешь у меня»), и, пока девочка укладывала в сумку все необходимое, я раздумывала, куда же, в самом деле, мне поместить ребенка.

Домой ко мне и к тете Миле я, конечно, повести ее не могла. Есть большая вероятность того, что преступник следил за домом. Мы с Аней живем рядом, и прятать ее в соседнем подъезде – все равно что класть кошелек со своими сбережениями в свой почтовый ящик.

Был еще вариант. Как телохранитель, я давно имела специальную, хорошо засекреченную квартиру для клиентов. Вряд ли кто-то смог бы найти Аню там. Но оставлять ее там одну? Да, одну, потому что я должна найти того, кто покушался на Елену, – а как же иначе? Так вот, оставлять Аню в квартире одну я просто не имею права. За ней надо смотреть, ее надо кормить. А кроме того, она в некотором роде ненадежный человек: ведь сказала же ей мама сидеть дома, а она шмыг – и оказалась у меня!

В общем, не могло быть и речи о том, чтобы оставлять Аню без присмотра.

И тут, как это водится в таких случаях, я стала перебирать

своих знакомых, которым можно было бы доверить девочку. Эта процедура не заняла много времени. Почти сразу я вспомнила про своего старого знакомого, полковника МВД в отставке, Василия Васильевича Пехоту. Этот маленький, толстенький и внешне очень неуклюжий пенсионер уже не раз оказывал мне кое-какие услуги чисто профессионального характера.

Но в данном случае я вспомнила про Василь Васильевича не в связи с этими услугами, а в связи с тем, что у него была сестра.

Варвара Васильевна Пехота была немного младше своего брата, но, в отличие от него, всю свою сознательную жизнь посвятила не поиску справедливости и работе в МВД, а куда более прозаичной задаче: во что бы то ни стало выйти замуж. Хотя... это тоже можно назвать геномом наследственности. В конце концов, оба они все время за кем-то гонялись: Василь Василич ловил преступников, Варвара – женихов.

Беда была в том, что Варварины сети, закинутые ею в бурное холостяцкое море, почти всегда приходили пустыми. Нет, пару раз даме случалось притиснуть мощной грудью к стене не успевших вовремя «сделать ноги» мужчинок. Варваре даже удавалось довести дрожащих от страха кавалеров до двери загса, но стоило ей на минуту отвлечься, чтобы поставить свою подпись под заявлением о регистрации брака, как незадачливый обожатель срывался с места и бесследно исчезал в гулких коридорах казенного учреждения.

– Это все из-за моего имени! Из-за имени и фамилии! – топала ногами Варвара, и ее густо намазанный морковной помадой рот кривился на сторону. Слезы лились из Варвары фонтаном, и на месте фиолетовых век и кирпичного румянца очень скоро оставались только грязные дорожки. – Все из-за имени! Варвара Васильевна Пехота – это же ужас что такое! Варвара Васильевна Пехота! Папочка с мамочкой – вот кто виноват во всем! Это они придумали – Варвара Васильевна Пехота!

– Как же ты хотела бы называться? – невозмутимо спрашивал Варвару полковник, единственный мужчина, на которого не действовали истеричные вопли сестрицы.

– Как угодно! Стелла! Или Жанна! Изабелла! Снежана или Джеральдина! Виолетта! Все, что угодно, – но только не Варвара!

Варя падала ничком на кровать, и ее крупное тело сотрясалось в рыданиях от клокотавшего внутри Варвары осознания роковой родительской непредусмотрительности.

На мой взгляд, имена Виолетта, Жанна или Снежана в сочетании с фамилией Пехота смотрелись бы ничуть не менее анекдотично, но я всегда остерегалась произносить это вслух. Варвара же продолжала неистовствовать, размахивая руками, и кидалась в присутствующих малыши и большими предметами. А поостыв, она снова принималась строить матримониальные планы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.